Нарбикова Валерия 27.03.97.

ВСТРЕЧИ

Time to destination

Общая газ. – 1997 – 27 марта – 2 апр. – с. 15

Читать Валерию НАРБИКОВУ, прорываясь через замысловатый язык, не просто – если прорываться. Но можно плыть по витиеватым текстовым просторам, становясь свидетелем мгновенных ощущений и переживаний, которые происходят в человеке одномоментно.

– Вы стремитесь рассмотреть ситуации, происходящие с вашими героями, сразу с нескольких точек зрения...

– Когда сразу ясно, что с человеком «все ясно», стоит ли общаться? В жизни и литературе я стремлюсь к людям с «двойным началом». Особенно пристально смотрю на мужчин: с одной стороны, вижу то, что доступно всем. Но я вижу еще как бы со спины – совсем другого человека. Может быть, конечно, это я наделяю человека способностью быть двойным, может быть, он просто нормальный человек и теряется от того, что я пытаюсь увидеть в нем слишком многое. Началось это в мои десять лет, когда два мальчика с одинаковым именем Андрей, взявшись за руки, дуэтом объяснились мне в любви...

– Одно из самых мучительных раздвоений в жизни и в ваших книгах – классический треугольник любви.

– Муж и жена, которые долгое время вместе, живут как родственники, у них отношения не мужчины и женщины, а брата и сестры, отца и дочери, матери и сына. Когда встречается другой – новый – человек, случается, нисходит страсть, и сопротивляться ей бесполезно. Возлюбленная не менее серьезный статус, чем жена.

– Двоиться – привилегия мужчин?

– Женщина более цельное существо, хотя в ней тоже присутствует покорность и развратность, одновременно русалочье и ведьминское начало. Меня восхищают новые женщины, которые самостоятельные, которые не живут за пазухой, которые сами по себе. Они трогательные, ранимые, но и очень жесткие. Это в женской природе – подчиняться, но мужчин, которым хочется покориться, слишком мало.

В мужчине главное – его пол. То самое мужское начало, которое нынче слабеет. Покажу на примере, что требуется и как мало этого в реальной жизни. У моего друга в Америке, очень немолодого человека, я заметила на предплечье странную татуировку: парашют и на нем девочка. Друг рассказал мне такую историю: в команде парашютистов из семи человек двое страстно были влюблены в одну женщину и в доказательство силы чувств поспорили: кто дольше не раскроет парашют, тот сильнее. Они оба разбились. Оставшиеся пятеро сделали себе это «тату» – в знак признания той самой мужественности, о которой я и говорила.

– Ощутившие свою независимость женщины должны повести за собой мужчин, заставить их пошевелиться и приложить усилия, чтобы соответствовать уровню новой женщины?

– Наверное, так. Потому что существование по принципу «плохонький, да мой», бессмысленная работа и бессмысленное беганье за шкафами для двухкомнатной квартиры делало двоих неинтересными друг другу.

Есть и другая крайность – мужчины, которые работают с утра до ночи и требуют, чтобы женщина ждала их пирожками. Меня восхищает верность Пенелопы, которая ждала Одиссея, преданность женщин, которые дожидались возвращения любимых с войны. Нынешние мужчины возводят свое естественное состояние «добытчика» в культ, приравнивают бизнес к фронту.

– Когда говорят: «Так бывает только в романах!» – это хорошо для романов и плохо для жизни, или наоборот?

– Литература немного опережает жизнь, сначала бывает что-то написано, а потом происходит по правде. Мне, например, не могло в голову прийти, что будут восстанавливать Храм Христа Спасителя. Но в своем рассказе «Ад как да» я эту ситуацию предположила: тренер по плаванию и одновременно священник. Мистическое предсказание сбылось. Любой художественный сюр может стать реальностью.

– Ваши книги физиологичны – такая открытая физиология, обнажение изнанки человека – зачем?

– В физиологии нет ничего плохого. Человек не очень хорошо знает, из чего он состоит. Я думаю, скоро технический прогресс достигнет того, что у каждого появится его электронный двойник – на экране компьютера будете существовать вы, но изнутри. Человек увидит, как стучит сердце, работает печень, течет кровь.

– А душа?

– Душа – это заповедное место, и если кто-то будет знать, что у другого там происходит, все будет кончено. Человек потеряет свою индивидуальность и защиту.

– Так, как зовут ваших героев (Сандулия, Додостоевский, Отматфеян), в жизни никого не называют. Вы специально прячете собирательный образ за надуманные имена?

– Имена несут дополнительную информацию – читатель видит имя, а представляет образ. Кроме того, других таких имен, а значит, и людей больше нет: я подчеркиваю таким образом, что человек очень разен и индивидуален.

– Вас называют самой эротичной современной писательницей, притом что подробных постельных описаний у вас совсем нет.

– Есть некоторая завуалированность эротики словами, а как известно, сладко то, что скрыто. Вы догадываетесь, что происходит, представляете – *как* это происходит, а не читаете, что происходит.

– На закрывшейся на днях в московской галерее «А-3» вашей выставке многие увидели вас еще в одной ипостаси – художницы. В визуальных работах вы верны своему литературному стилю. Картины пишут так же, как пишут книги?

– То, что не могу выразить словами, я пробую нарисовать. Образ своего любимого Гоголя я не смогла бы описать словами. Гоголь – живое существо, даже не мужчина. Мистический человек и такой же писатель. Мне кажется, я понимаю, как писал Толстой, Достоевский, – у Гоголя я не понимаю, как это сделано. Его сердце на картине в виде кулака, который открывается-закрывается.

– Ваша выставка называется «Time to destination» («Время в пути»). Что это за время?

– Меня восхищает взаимодействие человека с пространством. Вот мы сейчас сидим за столом, а спустя час вы уйдете и за время в пути станете для меня крошечным человеком. И я для вас. Стол останется на месте.

Время в пути – это просто такое время, которое тратится между еще живым и уже не существующим. Вот морская корова – она уже вымерла, а живая корова вместе с молоком все еще есть. Вот скелет человека, скачущего на скелете лошади. А живой всадник все еще есть. Но между ними есть time to destination. Вот муж и жена, они как сообщающиеся сосуды, – оттуда убудет, там прибудет, но между ними тоже есть time to destination. Как между реальностью и изображением, как между верой и храмом, как между занятием любовью и любовью – time to destination.

Беседовала
Наталья ЩЕРБАНЕНКО